

Въ Ростовѣ-на-Дону онъ выступилъ въ „Ревизорѣ“. Несторъ Кукольникъ видѣлъ этотъ спектакль и сообщилъ, что, несмотря на нѣкоторыя удачныя мѣста, въ общемъ роль прошла слабо, и крайнее утомленіе артиста чувствовалось на каждомъ шагу. На слѣдующій спектакль объявлено было „Горе отъ ума“, но спектакль былъ отмѣненъ вслѣдствіе малаго сбора публики. Щепкинъ поѣхалъ въ Ялту. Тамъ Воронцовы выслали за нимъ коляску и привезли его въ свой алупкинскій дворецъ. Утомленнаго старика заставили весь вечеръ читать „Мертвыя души“ для собравшихся гостей. Ночью ему стало такъ худо, что докторъ предупредилъ хозяевъ объ опасности положенія. Тогда просвѣщенные меценаты испугались, какъ бы артистъ не скончался подъ ихъ кровлей, и немедленно отвезли Щепкина умирать въ Ялту. Тамъ его помѣстили въ зданіи ялтинской прогимназіи. Надъ комнатою умирающаго всю ночь гремѣла музыка и шли танцы: тамъ былъ балъ. На слѣдующее утро началась агонія. При умирающемъ находились Галаховъ, г-жа Гриберъ и слуга. Около 12 часовъ дня (11 августа 1863 г.) лежавшій въ забытѣ больной вдругъ вскочилъ съ постели и сталъ говорить: „скорѣй, скорѣй, одѣваться!“ „Куда вы, Михайлъ Семеновичъ, лягте“, — уговаривалъ слуга. „Куда, куда? Скорѣе къ Гоголю“. „Къ какому Гоголю?“ „Какъ къ какому? Къ Николаю Васильевичу!“ — „Да что вы, родной, успокойтесь, лягте, Гоголь давно умеръ“. — „Умеръ?... — спросилъ Щепкинъ, — умеръ... да, вотъ что...“ низко опустилъ голову, покачалъ ею, легъ, отвернулся лицомъ къ стѣнѣ и заснулъ навѣки ¹⁾).

Изложенными фактами изъ біографіи Щепкина подкрѣпляются, думается мнѣ, два вывода, имѣющіе важное значеніе для выясненія художественнаго творчества Щепкина, къ которому намъ теперь предстоитъ перейти.

Жизнь Щепкина никогда не была замкнута въ узкую колею профессиональной дѣятельности. Она всегда изобиловала разно-

¹⁾ *Русскій Архивъ*, 1889 г., I: А. Щепкина — „Щепкинъ въ семьѣ и на сценѣ“; *Русская Старина*, 1888 г., № 11: Кукольникъ — „Письма Кукольника къ потомкамъ; Шубертъ — „Моя жизнь“, стр. LXII и слѣд.; *Вѣстникъ Европы*, 1888 г., № 12: Вагнеръ — Дубовая кора. Изъ записной книжки тупега; *Московскія Вѣдомости*, 1893 г., № 219: „Послѣдніе дни Щепкина“.